

Матьяна Чебатуркина

Победи себя

Татьяна Чебатуркина

Победи себя

«Издательские решения»

Чебатуркина Т.

Победи себя / Т. Чебатуркина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-902844-0

Мудрецы говорят: «Чтобы понять, что за человек находится рядом с тобой, нужно с ним расстаться. При расставании он покажет свое истинное лицо». Трагическая случайность связывает главных героев. И когда в руки Ирины попадает боевое оружие, ей кажется, что с его помощью можно разрешить любую проблему, забывая слова Эриха Мария Ремарка: «Не всегда просит прощения тот, кто виноват. Просит прощения тот, кто дорожит отношениями».

ISBN 978-5-44-902844-0

© Чебатуркина Т.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Находка	6
Глава 2. Мать	8
Глава 3. Обрыв	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Победи себя

Татьяна Чебатуркина

*Все начинается с любви,
С любви!
Я это точно знаю.
Все,
Даже ненависть —
Родная и вечная
Сестра любви.
Все начинается с любви:
Мечта и страх,
Вино и порох.
Трагедия,
Тоска
И подвиг —
Все начинается с любви.
Весна шепнет тебе:
«Живи...»
И ты от шепота качнешься.
И выпрямишься.
И начнешься.
Все начинается с любви!*
Роберт Рождественский

*Победи себя и выиграешь тысячу битв.
Будда*

Иллюстратор Наталья Ананьева
Редактор Ольга Ананьева

© Татьяна Чебатуркина, 2018
© Наталья Ананьева, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4490-2844-0
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Находка

Она стояла у старенькой деревянной кухни в тени большой разросшейся старой яблони, которая неожиданно весной вдруг осветилась разливом множества цветочных бутонов, словно на прощание, напоследок решилась подарить миру свои прекрасные плоды.

Рабочие разбирали сгнившие крышу и стены сарая над погребом. Документы на продажу бабушкиного дома были готовы, но все упиралось в задержку с поступлением денег в банк. Или они где-то прокручивались неторопливо. И сумма была средняя – материнский капитал, но для небольшой деревни, откуда жители постепенно разъезжались, кто куда, это было большой удачей – продать старый, но еще крепкий деревянный дом каким-то приезжим фермерам из ближнего зарубежья, вернувшимся на родину.

«Придется неделю пожить здесь, пока не приедут будущие хозяева», – какая-то мучительная печаль и тревога поднимали Ирину рано утром со старенького диванчика в зале, выпроваживали во двор, где кучи мусора после зимнего засилья никто не убирал. Не надрывался мотоблок, причесывая картофельное поле, толпились засохшие палки среди роскошных малиновых кустов. Дом простоял одиноко всю зиму без людей, когда осенью старшая дочь Ульяна забрала старенькую мать к себе в Самару.

Обжигающий зной после освежающих проливных дождей с громом захлестнул неожиданно конец мая, но в речке вода пока не прогрелась, и только самые отчаянные мальчишки на спор ныряли с высокого берега, а потом прыгали на песке, чтобы согреться.

«Что ты рвешь себе душу? Дом практически уже продан, ты живешь теперь в прекрасном большом городе, учишься в вузе, рядом близкие люди. Но почему так невыносимо больно чувствовать неотвратимость предстоящего расставания с вещами и своими детскими воспоминаниями, понимая, что часто очень многое не зависит от тебя, от твоих привычек и твоего желания? И это щемящее чувство называется разлука. Разлука с тем, что тебе было дорого, что никогда больше не повторится и не вернется».

Вдруг раздался шум и треск – подпорки сарая не выдержали бесцеремонного вмешательства трех здоровых парней, и с грохотом в клубах пыльного облака замшелая шиферная крыша сложилась на погреб вместе с досками стен, обмазанных в давние времена глиной с соломой.

Никто не пострадал, мужики плюнули в растерянности, наглотавшись, пыли, выразились вслух нецензурным матом и, сложив инструменты наспех под крыжовником, отправились на обед.

Ирина подошла поближе. Эта жалкая куча кусков поломанного шифера, гнилых досок напомнила лишний раз, что ничего нет вечного в мире, все постепенно ветшает, стареет, ждет замены.

И вдруг ее внимание привлек торчащий из-под обломка треснувшей серой доски сверток в когда-то белом, но и теперь еще крепком льняном полотенце с вышитым крестиком краем.

Мешковина сгнила, торчала кусками рядом, а в полотенце были завернуты – Ирина ахнула – настоящий кулацкий обрез и горсть тяжелых патронов.

«Господи! Сколько лет пролежало это оружие времен гражданской войны? И никому не потребовалось! У кого оно было и сколько на нем крови человеческой? В банде был когда-то его хозяин или в отряде красногвардейцев? Или просто припас человек на всякий случай, чтобы достать в нужный момент? Забыть про такую игрушку, конечно, никто не смог бы. Значит, не было нужды доставать. Или страх всю жизнь травил душу, чтобы скрыть свое прошлое? Или смерть помешала достать этот сверток и утопить его в дерме сортира на заднем дворе?»

И, держа в руках укороченный деревянный приклад старой дореволюционной винтовки со спиленным почерневшим стволом, ветхое полотенце с патронами, вдруг пришло нежиз-

данно четкое страшное решение: эта находка послана мне не случайно. Именно из этого обреза я могу убить Сергея.

Если бы можно было стереть из памяти беспощадные картины своего испуга, растерянности, беспомощности и отчаяния того летнего, такого ясного дня, когда внезапно оборвалась счастливая радость беззаботного существования. Когда в сердце корявой коркой постепенно запеклось только одно чувство – ненависть.

Глава 2. Мать

Ирина никогда не осуждала свою мать Галину. Светловолосая, с кудельками химической завивки, стройная, как девчонка, вечно что-то напевающая, моторная, деловитая, она могла бы быть неизменной ведущей на праздничных вечерах в Доме культуры, приятной собеседницей в кругу семейных пар, если бы вышла замуж за какого-нибудь интеллигента. Но первый ее муж, отец Ирины, спился постепенно, еще с юности приобщившись к походам в глубокий погреб, где его мать держала бутылки с самогонкой. Налеты милиции оканчивались по-разному: иногда конфискацией самогонного аппарата, партии свежеприготовленного на продажу товара и огромными штрафами. Иногда просто потихоньку изымали ящики с бутылками и строго предупреждали.

Привычка к употреблению чарочки для поднятия духа постепенно все похоронила для отца: и увлечение футболом, и школьные интересы, и семейную жизнь. Бабушка Маша продала после развода сына свой дом, переехала в пригород, купила землянку и, спохватившись, кинулась лечить единственного сына от запоев, возила его по бабкам, выкидывала все свои сбережения, забыв о маленькой внучке.

А мамочку Ирины Галину подхватил замуж старикан-вдовец. Его дети выросли, разъехались по городам, а на соседней улице жила молодка – фельдшерица, бойкая, сладкая ягодка, правда, с дитем. Мать выдержала ровно десять лет все ночные притязания стареющего мужа, его дневные придирки и нытье, бесконечные жалобы на участившиеся запоры и отказывающие ноги. И, наконец, решившись, позвонила старшей дочери своего мужа и предупредила, чтобы забирали старика-отца, куда хотят, хоть в дом для престарелых.

Ирине было четырнадцать лет, и она отлично помнила, как они с матерью вернулись в свою двухкомнатную квартиру в двухэтажном доме, которую постоянно меняющиеся квартиранты довели до ужасного состояния. Как кричала потом в их кухоньке приехавшая за отцом полная мужеподобная женщина, призывая на голову матери все проклятия, существующие в мире.

И тогда Ирине впервые захотелось спрятаться под одеяло, заткнуть уши ватой только, чтобы не слышать неприятную до тошноты перебранку матери и разозлившейся женщины, получившей такой подарок в виде беспомощного отца.

Целую неделю они вдвоем старательно сдирали старые облезлые обои со стен, красили окна белой краской, угорев от запаха разбавителей, смотрели, как меняли приглашенные мастера тяжелые чугунные батареи на металлические трубы. Покрасили остатками краски из разных банок эти трубы и уехали к бабушке в дальнюю деревню.

Здесь была наглядная агония вымирания деревни. После развала колхоза пришли в упадок все животноводческие фермы, когда перевели весь скот, и никто не охранял больше никому не нужные помещения. И сначала по ночам, а потом в открытую начали растаскивать на металлолом железо, а потом снимать шифер на заборы, бетонные блоки – на дорожки, разбирать кирпичные стены. И эта картина полного опустошительного разгула бесхозяйственности там, где только совсем недавно сновали молоковозы, спешили на работу привычные к тяжелому ручному, с минимумом механизации труда доярки и скотники, раздражала, злила, развращала всех в округе.

Бабушка Нина Николаевна всю жизнь проработала дояркой, числилась в передовиках производства, имела правительственные награды, а теперь занялась домашним хозяйством. Пока из колхоза на пай земли давали осенью зерно, держала кур, гусей и уток, поросенка. Но потом фермеры, сами перебивающиеся еле-еле с вечными засухами и неурожаями, закрыли бесплатную лавочку и стали продавать зерно втридорога. И бабушка стала спасаться при минимальной пенсии только доходами с огорода и сада.

А вокруг села поднимался лес. И манила в летнюю несусветную жару прохлада небольшой степной реки, которая, добежав до зеленого простора огромных вековых деревьев и раздолья кустарников, вдруг застыла в своем нежелании покидать эту площадь покоя и тишины среди бескрайнего степного раздолья Заволжья.

И в тот год отдыха у бабушки, ожидания, пока улетучится запах краски в квартире, мать внезапно влюбилась. Она ушла в обед на речку купаться одна, без Ирины, пока внучка с бабушкой собирали клубнику и варили варенье, и появилась только поздно ночью. Ее привез на своем «Форде» шофер рейсового автобуса, который мотался по району, а жил на соседней улице от бабушки и когда-то учился с матерью в школе до девятого класса. И по тому, как они слились в долгом поцелуе у калитки, и как блестели глаза у матери, Ирина поняла, что купание в лесу закончилось очередным любовным излиянием в кустах.

Неразборчивость матери, какая-то патологическая безвольность в вопросах секса, жадность тела к животному слиянию с телом самца – она даже не пыталась что-то приукрасить, выдумать сказку о поразившем ее любовном дурмане, – все это заставляло Ирину сторониться близости с матерью, переполняло презрением и глубокой обидой из-за прочного негласного прозвища матери в селе – «гулящая».

Здесь, в селе была только неполная средняя школа. Ирина уже давно перебралась бы к бабушке, но мать была категорически против. И теперь только летние месяцы были для Ирины счастливым избавлением от вечных нападков матери, от присутствия подвыпивших, постоянно меняющихся хахалей, когда мать надолго ссорилась с Григорием, и которые, не стесняясь, Ирины, затаскивали мать в узенькую спальную комнату и требовали от нее любви. И мать упивалась этими иллюзиями божественного чувства, делала аборт, потому что женатые мужики не собирались уходить от своих жен.

Она плакала по ночам, пока снова не мирилась с Григорием после настойчивых звонков и долгожданных свиданий. Эта подстегивающая ее тревога, что жизнь так коротка, или предчувствие скорого ухода, заслоняли все: и беспризорность единственной дочери, на которую просто не оставалось времени и сил, и обиды родной матери, жалеющей свою распутную дочь, и бездумно улетающие годы, которые она отдавала жадным до ее тела мужикам без особых чувств, иногда просто по привычке.

Ирина мечтала стать библиотекарем. Плотно заставленные книгами стеллажи в сельской библиотеке манили своей неисчерпаемостью будущих впечатлений, новых открытий, обещанием безраздельного полета на крыльях мечты.

И от грязи отношений матери с мужчинами Ирине хотелось закрыться, занавеситься теми прекрасными романами, которые дарили ей надежду, что все в ее жизни будет иначе.

Роман матери с женатым шофером Григорием оказался продолжительным, почти на три года, хотя у него были уже достаточно взрослые дети: старший сын с семьей жил в Забайкалье, а младший учился в сельскохозяйственном институте. Жена поначалу устраивала сцены ревности, а потом со временем смирилась, глубоко ненавидя Ирину мать. Григорий клялся Галине в любви, говорил, что у них с женой давно разные кровати. И они, действительно, упивались близостью друг с другом почти каждую неделю, когда не было ночных дежурств у матери, забывая о спящей на раскладушке в кухне юной девушке.

И, закрываясь с головой одеялом, чтобы только не слышать громких охов и вздохов распаленных любовников, которые иногда даже не удосуживались прикрыть плотно дверь, Ирина мечтала о том последнем дне в этом доме, когда она получит, наконец, аттестат об окончании школы, попрощается с бабушкой, которая собирала все свои пенсии почти год на учебу Ирине в библиотечном институте, и уедет к бездетной тете Ульяне, материнной сестре, в Самару.

Мать вкусно готовила, и иногда Ирине казалось, что в одно из воскресений мать вдруг скажет ей: «Прости меня, доченька, ради Бога! Никто мне не нужен больше, кроме тебя. Поставила я большой крест на всех мужиках. И мы теперь будем жить с тобой в мире и согласии.

Давай пить чай с нашими любимыми пирогами». Но все мечты Ирины обрывались, когда подъезжал среди бела дня на своей машине Григорий, усаживался за стол с пирогами в зале и напоминал: «Я только на часок вырвался, вроде бы на рынок. Не поторопимся – жинка примчится из дома, опять настроение испортит». И мать угодливо распиналась перед дочерью:

– Сходила бы ты, Иринка, до подружек, по улице погуляла. Смотри, какая погода чудесная!

И Ирина уходила за село по течению реки, опять мысленно подгоняя время, чтобы поскорее уехать, и, наслаждаясь осенней неторопливостью листопада, повторяла вслух строчки стихотворения Бориса Окуджавы: «Нет, осень не печальнее весны, и грусть ее – лишь выдумка поэтов».

Глава 3. Обрыв

Ирину затрясло, когда она со страшной находкой в руках заскочила на кухню. Закрыла наружную дверь на крючок, присела у стола, осторожно развернула грязное полотно.

«Его же нужно чем-то почистить, маслом растительным, что ли? А вдруг патроны уже в труху превратились? И, вообще, тебе что, надоело на свободе жить? В тюрьму захотелось лет на десять? Правильно на Востоке говорят: „Худшие враги человека не пожелали бы ему тех бед, которые могут принести ему собственные мысли“. И почему она в тот неожиданный момент, когда увидела старый ствол, сразу вспомнила Сергея? Ведь за два прошедших после того с ней случая она старательно прогоняла все воспоминания о прикосновениях, поцелуях, той испепеляющей нежности его губ, которая буквально сожгла ей кожу на груди, руках, животе и ниже. Как он тогда старался разжечь у нее желание отдаться ему, торопясь и не понимая, что еще немножко, и она бы сдалась, и сама бы начала требовать от него еще большей близости. Вернее, не она, а ее уже созревшее тело. Да, тогда был акт насилия. И Сергея точно бы посадили, если бы родная мамочка Галя не позарилась на эти проклятые пятьдесят тысяч рублей. Вот какой оказалась цена судьбы дочери».

Ирина закрыла глаза, сжала ладонями голову:

«Стоп! Забудь! Опять противное чувство горечи воспоминаний наполняет твое сердце ненавистью? Ты же уже каялась на исповеди у батюшки в храме, что послала из-за своего отчаяния, обиды, гордыни проклятье всем, кого посчитала виновными в своем несчастье. И мать перед самой смертью написала в письме:

«Ирочка! Прости всех! Ненависть убьет тебя. А Бог сам накажет, кто виновен»....

Она готовилась дома к последнему экзамену по литературе, зачеркнув в календаре последние денечки июня до долгожданной свободы после выпускного вечера, когда позвонила мать с работы по мобильнику:

– Минут через пятнадцать подъедет на самосвале Сергей, сын Григория, привезет машину песка во двор. Ты же его хорошо знаешь, они с бабушкой в одной деревне живут. Забирай сервиз чайный, который я купила вчера, торт, конфеты, сумки с продуктами и езжай с Сергеем. А я вечером с Григорием подъеду после работы. На стол накрывай, будем бабушку с днем рождения поздравлять.

Июньский день расплескался в полуденной оглушающей жаре, когда все живое прячется в тень, чтобы дожить, дожидаться ночной слабой прохлады.

– Привет, Иринка! Как живешь? Много еще экзаменов осталось? – этот высокий парень с коротким современным чубом светлых волос, загорелый, симпатичный, с необычными желто-зелеными глазами лесной рыси, всегда обращал на себя внимание многих девчонок из Иринино класса, когда учился в школе. Но теперь в институте у него был какой-то непонятный роман с девушкой из города, с которой он жил гражданским браком на одной квартире. Отец Сергея очень рассчитывал на их будущие серьезные отношения, так как двухкомнатная квартира была именно этой девчонки, и после женитьбы проблема с жильем в городе автоматически была бы решена.

Сергей аккуратно вывалил свежий холм еще влажного песка из карьера возле детской площадки, забрал одной рукой все пакеты с продуктами и коробку с сервизом, помог Ирине подняться в высокую кабину огромного самосвала. И покачиваясь на мягком сиденье с круглой коробкой торта на коленях, Ирина, немного смутившись от пристального взгляда этого здорового парня, спросила:

– А ты как поживаешь? Сессию уже сдал?

– Да, свободен. Через неделю с ребятами уезжаем в Сочи со строительным отрядом. Там сейчас стройка века. В морекупаемся, позагораем. А ты в какой вуз настроилась поступать?

Он был в курсе, что его отец совсем голову потерял, связавшись три года назад с Ириной матерью, Галиной. Успокаивал по телефону свою мать, чтобы потерпела и простила отца, который, вернувшись от любовницы, и Сергей это великолепно знал, каждый раз хватал сопротивляющуюся жену, нес ее в спальню, и поцелуями, и ласками добивался от нее признания его мужского превосходства. И она таяла в его объятиях, отдаваясь мужу и прощая его измену. А через неделю все повторялось.

Эта какая-то извращенность отца, который с нескрываемым удовольствием пользовался обеими женщинами, не зная и не думая, как раскрутить этот запутанный по его вине узел, бесила Сергея. Время шло, и все оставалось по старому, вошло в привычку и пока не напрягало Григория. Сил и желания хватало на обеих.

И теперь, выруливая по шоссе на окраину села, Сергей невольно отворачивался от пустынной в этот обеденный час дороги и с интересом рассматривал стройную фигурку хорошенькой девчонки рядом, покачивающейся и подпрыгивающей на кочках, которая иногда касалась его локтя своей загорелой рукой, особенно при резком торможении и поворотах. И мысли тоже завихрились вдруг от неожиданного вопроса: «А есть ли у нее парень? Не может ведь такая красotka цвести без внимания мужчин!».

И, свернув на грунтовую дорогу в степи, чтобы срезать угол до своей деревни через лес, он вдруг предложил:

– Ирина, давай искупаемся в речке! Тут такая глубина классная! А у меня от этой жары вся спина мокрая и потом разит. Никакой дезик не спасает!

Ирина молча кивнула. Под шелковым сарафаном у нее был отдельный купальник, так что нырнуть в прохладу реки она бы не отказалась, но пустынность дороги и прибрежной полосы с камышовыми зарослями смутили, и она осталась в кабине.

Сергей долго нырял, мерил дно, скрываясь в воде и хлопая ладонями на середине реки, потом рассекал блестящий под солнцем простор широкого разлива вольной воды и, наконец, растянулся на горячей полоске золотистого песка на противоположном берегу, крикнул:

– Да не бойся ты меня! Иди, остудись в воде, и поедем!

И эта безбрежная даль зовущей воды погасила все невольные опасения, позвала к себе, потому что деревенская непосредственность и простота отношений в деревне даже не насторожили, не смутили. Ирина поставила коробку с тортом на резиновый коврик в кабине, мельком подумав: «Все кремовые розы на жаре потекут», спрыгнула с высокой подножки, сдернула сарафан, оставив его на качающейся ветке незнакомого цветущего кустарника, и осторожно шагнула в топкую незнакомую отмель заросшего тиной берега.

– Плыви ко мне! – голос Сергея разнесся одиноко над пустынным величием этого сказочного, затерявшегося в глубине леса молчаливого царства. И она поплыла навстречу своей судьбе. Он стоял такой надежный, незнакомый, сильный по пояс в воде, дожидаясь, пока она пересекала широкую заводь реки на повороте с довольно сильным течением, протянул руку, неожиданно притянул к себе и, не давая возможности отдышаться, схватил на руки:

– Ирочка, какая ты красивая!

Волна желания ударила ему в голову, и, не сопротивляясь, легким попыткам мозга предупредить, чтобы не делал глупости, нырнул немедленно глубоко в воду и оставил эту девочку в покое, он все сделал наоборот. Она так доверчиво держалась за его шею обеими руками, ее холодное гибкое тело было полностью в его власти, и, отчетливо осознавая, что он переступает некую опасную черту порядочности, запрета, Сергей шагнул в спасительную тень огромного вяза, укрывшись от широкого обзора противоположного берега с одиноким и таким далеким самосвалом на самом обрыве.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.